

В. С. Сорокин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ УРАРТУ *

Отсутствие урартских хозяйственных и правовых документов в сильнейшей степени препятствует изучению социального и экономического строя государства Урарту. Этим обстоятельством объясняется, в частности, тот факт, что в основной работе крупнейшего советского специалиста по истории Урарту Б. Б. Пиотровского данный вопрос оставлен открытым¹. Попытка Г. А. Меликишвили, предпринятая им на основании изучения наличного эпиграфического материала, является в высшей степени своеобразной и, можно думать, кладет начало ликвидации упомянутого «белого пятна» в советской урартологии. К сожалению Г. А. Меликишвили не мог в достаточной мере использовать археологические материалы, т. к. они еще почти не опубликованы, а между тем именно эти материалы дают основание трактовать некоторые вопросы социально-экономического строя Урарту не так, как это делает Г. А. Меликишвили. Ниже я и привожу данные и выводы археологии по указанному вопросу.

Г. А. Меликишвили считает, что в Урарту «как в центре, так и на периферии» «в большом количестве имелись царские, государственные хозяйства»; центрами таких хозяйств являлись крепости с расположенными в них гарнизонами, служившие одновременно складами для сельскохозяйственной продукции. На полях и в садах этих обширных и многочисленных царских хозяйств «работали, в первую очередь, царские, государственные рабы». Подобные же крупные хозяйства с применявшимся в них рабским трудом находились в руках храмов и — меньше по масштабу — в руках знати.

Не рассматривая концепцию Г. А. Меликишвили в целом, я остановлюсь лишь на одном вопросе — можно ли урартские крепости, расположенные на периферии государства, считать центрами крупных царских хозяйств, основанных на рабском труде.

В настоящее время единственным в достаточной мере изученным урартским периферийным укрепленным пунктом, крепостью, является город Тейшебаини, уже в течение ряда лет методически исследуемый советскими

* По поводу статьи Г. А. М е л и к и ш в и л и. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту, ВДИ, 1951, № 4, стр. 22—40. Печатается в порядке обсуждения проблемы истории производителей материальных благ в древнем мире. См. также статью И. М. Дьяконова в ВДИ, 1952, № 1, стр. 90 сл.

¹ Б. Б. П и о т р о в с к и й, История и культура Урарту, Ереван, 1944.

археологами¹. Б. Б. Пиотровский считает местность в непосредственной близости от города Тейшебаани той самой «долиной страны Кутурлини», которая упомянута в звартноцской надписи Русы II². В этой надписи повествуется о разведении виноградников и «полей с посевами», а также о прорытии оросительного канала. Тот факт, что «долину страны Кутурлини» надпись называет «долиной Русы» и «долиной, принадлежащей Русе», Г. А. Меликишвили считает прямым указанием на то, что здесь мы имеем дело с царским хозяйством, с личной собственностью царя Русы II. По поводу слишком уж буквального понимания Г. А. Меликишвили выражений, употребленных в надписи, я ограничусь лишь замечанием, что не менее убедительно и другое их объяснение. Известно, что К. Маркс считал, что «... в большинстве основных *азиатских* форм, *связующее единство*, возвышающееся над всеми этими мелкими коллективами (речь идет о земледельческих общинах.— В. С.), выступает как высший *собственный или единственный собственник*, в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные владельцы*»³. Следовательно, «восточный деспот» (К. Маркс), каковым являлся урартский царь, имел основание всю землю в своем государстве, а значит, и любую часть этой земли, считать своей личной собственностью. Но нас интересует другой вопрос, справедливо ли мнение Г. А. Меликишвили, что город или крепость Тейшебаани был центром обширного царского хозяйства, основанного на эксплуатации труда рабов. Это очень важно установить, так как Г. А. Меликишвили для доказательства своей точки зрения привлекает материалы из раскопок города Тейшебаани. К сожалению, о раскопках жилых кварталов Тейшебаани пока опубликованы очень скудные сведения, чем и объясняется, с моей точки зрения, ошибочная их интерпретация Г. А. Меликишвили. Хорошо мне известные материалы из этих раскопок позволяют дать совершенно иную характеристику городу и крепости Тейшебаани.

Г. А. Меликишвили обращает внимание на то, что при жилищах города Тейшебаани нет хозяйственных помещений для содержания скота и хранения рабочего инвентаря и собранного урожая и что из этого следует, что жители города не имели собственных хозяйств и существовали за счет государства. Все это совершенно правильно. Но совершенно неправильно делать из этого вывод, как это делает Г. А. Меликишвили, что «здесь мы имеем дело с настоящими рабами».

• Прежде всего этому противоречит уже сам облик жилищ и те черты быта, которые бросаются в глаза при самом беглом ознакомлении с археологическими материалами. Жилища представляют собою солидные сооружения с толстыми (около 1 метра) стенами из камня. Каждое жилище состоит из трех или более помещений общей площадью от 50 до 100 и даже более квадратных метров. Входные двери в доме, как это видно по расположению камней-подпятников для дверных осей, запирались изнутри. В центральном, самом большом по площади помещении каждого жилища располагался очаг, сложенный из хорошо обработанных камней правильной формы. Установлено, что в жилищах были специальные культовые места с находившимися в них идолами оригинального облика⁴. Количе-

¹ Цитадель и жилые кварталы города Тейшебаани — грандиозный археологический памятник в урочище Кармир-блур, близ Еревана, — с 1939 г. раскапывает археологическая экспедиция Института истории Академии Наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа под руководством проф. Б. Б. Пиотровского. Автор настоящей статьи работает на раскопках жилых кварталов города.

² Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, 1. Результаты раскопок 1939—1949 гг., Ереван, 1950, стр. 26 (далее цитируется как Кармир-блур).

³ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, Госполитиздат, 1940, стр. 6.

⁴ В. С. Сорокин, *Древние идолы города Тейшебаани*, ИАН Арм. ССР, 1951, № 5.

ство и разнообразие фрагментов керамических изделий, обнаруживаемых во время раскопок, свидетельствуют об обилии всякого рода домашнего инвентаря. Изучение костей животных из жилищ города указывает, что его обитатели употребляли в пищу мясо как домашних, так и диких животных; из числа последних определены кости джейрана, дикого барана, крупного козла, близкого к дагестанскому туру, и каменной куницы, которую, возможно, пытались приручить («Кармир-блур», стр. 18). В целом можно утверждать, что обитатели города Тейшебаини жили отдельными семьями и пользовались сравнительно высоким достатком и свободой (ходили на охоту), что никак не вяжется с постулируемым Г. А. Меликишвили их рабским состоянием.

Кто же населял город Тейшебаини?

Известно, что урартская цитадель на Кармир-блуре погибла в пламени при ее штурме скифами, повидимому, в первые годы VI в. до н. э., т. е. во время гибели государства Урарту («Кармир-блур», стр. 21). Б. Б. Пиотровский еще в 1950 году писал, что «обстоятельства гибели города нам еще не совсем ясны» (там же). Он же предполагал, что жители города в какой-то мере содействовали скифам при взятии цитадели, и заметил, что «трудно предположить, что население города Тейшебаини в основной своей массе, т. е. ремесленники и земледельцы, были бы убежденными защитниками урартской власти» (там же). В настоящее время уже нет никаких оснований для подобных предположений. Напротив, материалы из города Тейшебаини и наблюдения, сделанные во время раскопок, позволяют утверждать, что город пал вместе с цитаделью, причем его жители, значительную и основную, если не большую, часть которых составляли урартские воины, не только не содействовали падению цитадели, но защищали ее.

Жилища города Тейшебаини были покинуты внезапно и навсегда — их обитатели уже не вернулись к родным очагам. Наглядным свидетельством этого явилось расположение некоторых находок раскопок 1950 г. Непосредственно перед дверным проемом из помещения 2(50) в помещение 1 (50) были обнаружены фрагменты нескольких сосудов и переносного глиняного очага вместе с золой и мелким углем. В нормальных условиях эти сосуды и очаг не могли находиться там, где они препятствовали проходу из одного помещения в другое. Становится ясным, что они попали сюда случайно, были здесь уронены. Крупные обломки одного сосуда лежали прямо против порога так, что невозможно было ни войти, ни выйти, не наступив на них. Однако они не были раздавлены, и не остается сомнения в том, что после того как сосуды и очаг были разбиты у порога, никто в жилище не возвращался. Картина поспешного бегства без возврата рисуется достаточно отчетливо.

Куда же так спешили жители города? На этот вопрос отвечают материалы раскопок во дворе цитадели. Здесь к стенам дворца были пристроены временные жилища беглецов. На временный характер этих построек указывает их величина и толщина их стен, значительно меньшие, чем у городских жилищ, а также небрежность каменной кладки. Каждое жилище здесь состоит из одного помещения в отличие от городских, насчитывающих по три и более; стены обычно сложены в один ряд камня, в то время как в городе применялась или сплошная кладка на всю метровую толщину стены, или выкладывались обе лицевые стороны, а середина забутовывалась более мелким камнем с землей. Одно из жилищ вообще, повидимому, не имело своих собственных стен: оно занимало угол между внешней стеной цитадели и большой угловой башней дворца, со стороны двора оно ничем не было отгорожено («Кармир-блур», стр. 22). На временный характер жилищ во дворе цитадели указывает и отсутствие в

них постоянных прочно сделанных каменных очагов, столь характерных для жилищ в городе. Переносный плоский глиняный очаг из помещения 1(50), о котором шла речь выше, является единственным экземпляром очагов подобного рода для города, хотя здесь исследовано по крайней мере 8 жилищ и в них обнаружено 8 каменных постоянных очагов. Наоборот, в жилищах во дворе цитадели нет каменных очагов, но встречены глиняные, один из которых является полным подобием городскому экземпляру («Кармир-блур», стр. 24).

•Сравнение предметов, найденных в городе и в цитадели, не оставляет сомнения в том, что в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же населением. Однако имеется достаточно данных для утверждения, что жилища в цитадели не были постоянно обитаемы, но были заселены лишь накануне осады. Сопоставление керамики из города и цитадели обнаруживает следующие любопытные факты. В городских жилищах можно собрать целыми, за весьма редким исключением, только крупные сосуды высотой около метра и более, т. е. сосуды громоздкие и тяжелые, переносить которые затруднительно, в то время как из очень многочисленных фрагментов мелких сосудов собрать целые сосуды, как правило, не удается. Ясно, что в последнем случае перед нами отдельные обломки посуды, разбитой при случайных обстоятельствах в спокойное время, втоптанной в земляной пол, где за длительный ряд лет их накопилось довольно значительное количество. Так, в одном только помещении 8(48) были обнаружены отдельные обломки 85 различных мелких сосудов. Отсутствие целых небольших сосудов в городских жилищах объясняется тем, что они могли быть легко унесены при оставлении города за стены цитадели, где в составе керамики наблюдается обратная картина — обилие керамики мелких и средних размеров при почти полном отсутствии больших и тяжелых сосудов («Кармир-блур», рис. 4 и 5). С другой стороны, в городских жилищах до сих пор не обнаружены запасы продовольствия, в то время как жилища в цитадели просто заставлены сосудами с зерном (пшеница, ячмень, просо, горох), а подчас зерно оказывалось ссыпанным прямо в вырытые в земле ямы. Из сопоставления этих фактов становится совершенно ясным, что когда нависла непосредственная угроза вражеского нападения, жители города поспешно переселились в цитадель, опорожнив крупные сосуды, в которых хранили продовольствие, и перенесли его в мелких сосудах в новые жилища».

Отсутствие в жилищах цитадели домашних идолов и культовых мест, обнаруженных в городе, подчеркивает временный характер переселения жителей в цитадель и объясняется, повидимому, представлением, что при временном оставлении жилища домашних богов уносить нельзя. Очевидно, жители города предполагали отсидеться в цитадели и снова вернуться к своим очагам.

В свете изложенных выше археологических фактов едва ли можно считать, что город был населен рабами. Приближение врагов урартского государства могло обозначать для рабов только возможность вернуть себе свободу, и совершенно невероятно предположение, что рабы, узнав о приближении скифского войска, поспешно оставили свои жилища и поспешили в цитадель оборонять своих угнетателей.

Имеются совершенно бесспорные доказательства того, что жители города в момент опасности заняли крепость в качестве ее гарнизона. В одном из временных жилищ во дворе цитадели (у северо-западных ворот) был найден бронзовый колчан, в другом (у южной угловой башни) — три бронзовых умбона от щитов, сплетенных из ивовых прутьев. На умбонах были выбиты клинообразные надписи, прочитать которые не удалось из-за их плохой сохранности («Кармир-блур», стр. 24). Такие умбоны неодно-

кратно встречались и в самой цитадели, в частности, шесть штук было найдено в 1950 г. На пяти из них оказались надписи, легко читаемые и не оставляющие никакого сомнения в их урартском происхождении. Таким образом, во временных жилищах в цитадели во время осады жили воины, постоянные жилища которых находились в городе.

Конечно, было бы неправильно сделать вывод, что весь город был заселен воинами. Можно даже предполагать, что раскопками лишь случайно затронут участок, заселенный гарнизоном города и что на других участках были жилища жителей иного социального положения, в том числе и жилища рабов-иноплеменников. Однако есть косвенные данные, позволяющие утверждать, что этнический состав населения города был однороден и включал в себя и тех воинов, жилища которых раскопаны: Дело в том, что в одном из этих жилищ был найден *in situ* упомянутый выше идол. Такие же идолы или их фрагменты были обнаружены на широкой площади еще не раскопанных участков города. Из этого следует, что город был заселен в основном представителями одной этнической группы, и трудно представить, что лишь часть населения города состояла из свободных воинов, а другая, и притом основная, большая, состояла из рабов; ведь Г. А. Меликишвили утверждает — и это совершенно правильно, — что основной контингент рабов в Урарту составляли военнопленные, следовательно, иноплеменники.

• Таким образом, археологические материалы доказывают, что по крайней мере на периферии урартского государства, в Закавказье, крепости не были центрами царских или государственных хозяйств, основанных на рабском труде. Население таких периферийных городов-крепостей состояло главным образом из воинов. И это вполне понятно, ибо охрана внутренних областей государства, как и вновь завоеванных пограничных территорий, требовала укрепления и постоянной военной охраны границ.

Определение основного контингента жителей города Тейшебаини, как военного, прекрасно объясняет нам отмеченный выше факт — отсутствие хозяйственных помещений при жилищах, раскрытых раскопками. Тревожная жизнь пограничной крепости вряд ли давала возможность жителям вести собственное хозяйство. Конечно, полное отсутствие таких хозяйств трудно предположить, но представляется наиболее вероятным, что основная часть жителей города — воины — кормилась за счет государства. Громадные склады, обнаруженные раскопками внутри цитадели, безусловно давали для этого полную возможность.*

Наличие этих обширных складов Г. А. Меликишвили интерпретирует как доказательство существования крупных царских хозяйств, остроумно и, как мне представляется, совершенно правильно переводя термины, встречающиеся в строительных надписях урартских царей — *arî* как «зернохранилище» и *gîe* как «винный погреб». Однако наличие крупных царских (или государственных, что одно и то же) складов едва ли можно считать доказательством наличия в Урарту царских хозяйств. Жестокая эксплуатация свободных общинников, которую Г. А. Меликишвили признает наряду с эксплуатацией крупных масс рабов, выражалась не только в трудовой и воинской повинности, но и в первую очередь в виде налога, дани, выплачиваемой натурой. «Часть прибавочного труда общины принадлежит высшему коллективу, существующему, в конечном счете, в виде одного *лица*, а этот прибавочный труд проявляется и в виде дани, и т. п., и в коллективных видах труда...»¹ Для последнего периода истории Урарту, когда эксплуатация общинников до-

¹ К. М а р к с, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 7.

стигла такой степени, что вызывала их массовое бегство¹, можно предложить присвоение государством не только части прибавочного продукта, но и всего прибавочного плюс часть необходимого продукта. Если принять это положение, то существование и строительство поместительных продовольственных складов в разных пунктах государства становится само собой понятным и скорее говорит против существования крупных царских хозяйств, основанных на эксплуатации рабов, чем в его пользу.

Все сказанное ни в коей мере не противоречит тезису о наличии рабовладения в Урарту. Но для определения удельного веса рабовладения в социально-экономических отношениях, существовавших в урартском государстве, а также для определения характера применения рабского труда необходима дальнейшая работа, поиски новых источников и углубленное изучение уже имеющихся, начало чему кладет работа Г. А. Меликишвили.

¹ В реляции о захвате Шуприи ассирийский царь Асархаддон сообщает о розыске и возвращении урартов, бежавших из своей страны в Шуприю. Это событие относится к 673 г. до н. э., т. е. ко времени царствования урартского царя Русы, сына Аргишти (685—645), построившего город Тейшебани, см. И. М. Дьяконов, Ассириовавилонские источники по истории Урарту, ВДИ, 1951, № 3, стр. 221.